

К 85-летию народной поэтессы

Фариза ОНГАРСЫНОВА

ПРОЩАЙ, И ПОМНИ ОБО МНЕ...

Аул на пути

Узоры трав, цветов сбежались на ковры,
на юрты белые, как чаши из фарфора;
дымит очаг, и тихо разговоры
вокруг ведутся до ночной поры.
Когда весною, выйдя из холмов,
увидишь юрты в зелени джайляу,
теплу домашнему споёшь земную славу
одной душой без музыки.

Заря взошла, ещё как будто рано –
мальчишки носятся – им не хватает дня,
чтоб пятками наяривать барана,
осёдланного на манер коня.
И каждый к славе будущей ревнив,
самозабвенно губы закусив,
воображает, что в байге он первый.
А ветер? Только он и есть соперник!

Здесь чай вкусней, поскольку ритуален,
пьют путник и хозяин не спеша,
груз лет ушедших с плеч как будто свален,
и в новый путь уже зовёт душа.
В седле родимся и в пути живём.
Стоянки время быстрое минуло,
лишь пугало с окраины аула
грустит и долго машет рукавом.

Дума старого казаха

Седлали на полном скаку скакуна...
(Тьфу – пешему ходу!
Иссушенный пылью
язык саксаулиной губы дерёт).
Джигит джигитует над степью ковыльной,
и сбруя сверкает, и сабля поёт.
Мы брюхо рассвета вспороли копытом,
и солнце схватив, горячо и огромно,
вкатили в аул,
все несчастья забыты,
весь мир очарован.

Как в юности, страсти на волю рвались!..
Коня обуздав, необузданный всадник

вскормлённого сокола спустит на лис
и с гневом священным,
и с криком надсадным
затопчет сквернящего дух праотцов,
но кроток пред старцем,
потуплены очи,
и помыслов свет просветляет лицо.

О! Юность пленяет красавиц степных:
не надо молить –
безоглядная в страсти
владелица сердца джигита во власти
объятий сгорает. Вернётся ли миг?

Господь, неужели не повторятся
с любимую вечер, и ночь, и рассвет,
когда, полусонный, я слышу в ответ
на нежную ласку любимой дыханье
да птиц щебетанье,
вспорхнувших чуть свет.

Ушли: не вернуть, не забыть эти дни...
В зазубринах щедрая воля и страсти.
Орёл я, отчётливо вижу вдали
увал предпоследний по имени
Старость.

Я думал, найду нашу юность в парнях,
но нет... – не нашёл и душой помутился,
рассудок смутился!
И разом обмяк!

Но соколом был я –
не может детёныш мой быть
воронёнком.
Я знаю – не может...

Явление Ленинграда

«Колонна», «капитель», «кариатида» – так поздно осеневшие слова.
Светящегося сумрака глава дописана, и никнет голова.
Удар! Удар! На циферблате – два.
А ночь беззвёздная – подобие болида, не долетев, пылает над землёй;
ночь – метеор, горящий надо мной, ты освещаешь думам путь домой.

Мой ненаглядный, неказистый с виду пустынный дом теперь не спит в тоске по рекам, по воде в сухом песке, и знойной ночью жжёт его обида.

Мы с ним вдвоём мечтали о воде, не забываю этого нигде.
Давно о Северной Пальмире вести зной соблаговолил в мираж внести.
Там, дома, степь торопится цвести; её вожжами не сдержат на месте.

Светильня-город – точность сотворенья в гармонии небес, воды, строений.
Нева – огромный каменный сосуд в огонь бездымный подливает масло, и, приукрасив небо многомастно, её глубины облако несут.

Мала мне протяжённость южных дней, и мысли – табуны степных коней – стремглав летели от аркана ночи, от гибельных закатных берегов, по следу убежавших облаков, к востоку, только б ночь была короче.

В пустыне мне привиделись мосты, в каналах полных отражалась ты, равнина выжженная, с вольными конями, и приходил в мечту на водопой не палочка-игрушка – дикий конь с копытами, разбитыми камнями.

Четыре скифских вздыбленных коня здесь, как пропавшую, нашли меня: так вот какой тогда приснился город! Пылала небом пресная вода, без отраженья плыли города над степью предков, бесконечно голый.

Летающие над невскою водой раздумья строгий обретают строй, понятнее становится земное.

Явление города – явление всех муз.
Как донести домой бесценный груз?
Чем отдарить? В руках лишь горстка зноя.

* * *

Бунт! Валом настигает вал, кусают, как верблюд верблюда, когда за самку бой кипит.
Вал новый к берегу спешит и гневно гребни разметал, за ним их тысячи. Откуда?

Где моря краткий кроткий сон – безоблачная ясность мира?
Здесь ветер, сунув пальцы в рот, так свищет... – волком обомрёт невинный берег, будто он овечек пенных крал, прыныра.

Под рёбра втянутый живот, весь берег сжался, как пружина, сейчас ударится в бега!..
Но море входит в берега, хоть бурями, как я, живёт и в тишине несокрушимо.

Упование пленного разбойника

Сначала Аллаху, потом его духу – святому Бекету – поклоны кладу.
(О чём горевать? Силы есть уповать!)
Проклятье Таласу, что запахом мяса пытается, по горло вкопав у котла.

А был я разбойник... Молились, боялись – молитвы не принял великий Аллах.
Завидев меня, и всесильные баи тряслись курдюком, опозорены в прах.

И небом, и степью шакалы владеют – богач торжествует под белой кошмой.
Вот нажили, нищие духом, – Бог мой – богатство: скотина, ковры да посуда!
Всё это даёт одной ночи разбой.

Не нужен простор, если уже могил отмерены души мурзам узколобым; тяжёлое брюхо, а думы легки – обжорство, как немощь просящей руки, бесстыдно!
Уж лучше разбойником!.. С Богом!

Я дрался за волю –
гнию в темноте.
Нет, нет, не клонись, голова,
от унынья!
Я гордый разбойник:
святейший Бекет,
мой дух укрепи,
разверни его крылья,
не дай мне шакальего подлого вздоха,
дай – волком издохну.

Два отрывка из повести «Монологи Ромео и Джульетты»

* * *

Ты спишь, бессонницу оставив мне.
Я вижу свет, хоть ночь стоит слепая.
Бессонница, как музыка, вступает, –
я думаю о жизни и о сне,

и о тебе в бессонные мгновенья.
Твой сон волшебный рядом тих, так тих.
Не сплю. Один. В сети прикосновений
лежу, как связанный арканом тигр.

Ты спишь? Ты где? Ты засыпала рядом.
Влюблённый соловей над нашим садом
нам сеет звуки через решето.
Прислушаюсь и снова возвращаюсь
к своей любви, как соловей в гнездо,
и всю бессонницу с тобой на сон
прощаюсь.

Ты, как закат, черту подводишь дню,
ты, как восход, день начинаешь солнцем,
ты – час тоски, день жажды, ночь
бессонниц,
ты – всё, что я приравнивал к огню.

И я, когда один, уже не знаю,
зачем мне свет дневной и тень ночная?
Я ничего у жизни не беру,
помимо ласк твоих, и слов, и взглядов,
тепла любви, ночей с тобою рядом...
Не встречу взгляда твоего – умру!

* * *

Подходит поезд. Стук сердец опережает
вагонов стук на стыках рельс.
Куда мы? В неизвестный рейс
кого и кто здесь провожает?
И небо розовым дымком
смешалось с паровозным дымом,
и волосы вставали дыбом,
и к горлу подкатился ком.

Прощаться? Как же так? Уже?
Отрепетурируем прощанье,
пока не грянуло оно –
секундных стрелок робок бег.

Что мы у жизни на меже,
оповестил гудок печальный.
С тобой на месяц, всё равно,
расстались, будто бы навек.

Прощай и помни обо мне!
Над адом надпись: «Выход в город».
А бред уже схватил за ворот,
а с ним вдвоём тоска вдвойне.

Мы разыграли твой отъезд,
как в пьесе, а когда он грянул,
слова и жесты я забыла,
и заместительница – грусть
без слов нарисовала крест:
слова, не распустившись, вьнут.
Вдруг поезд крикнул: «Было! Было!
Вернись-вернись!
Вернись-вернись!»

Зима

Вдруг жёрнов дней
солнцеворот
на зиму повернул,
и холод травы в первый лёд
вковать не преминул.
Сгустился ветер на седле –
теперь он сам джигит,
и снег летит, но не к земле –
всё мимо норовит.
Ещё и ветер не утих,
ещё сидит верхом.
От пуха лебедей седых
белым-бело кругом.
Как пред отсутствием любви
все беззащитны мы,
так беззащитен человек
перед лицом зимы.
До солнца, до весны даров
мысль о тепле гони.
– Будь счастлива!
– А ты – здоров!
– Да-да! Звони!
– Звони!
Но только лёд об лёд звенит,
капли крепко спят,
и поднялась тоска в зенит,
снега глаза слепят.

Ярость Сарыгула

Сарыгул – сильнейший казахский борец XIX столетия. Подкупленные баями судьи ни разу не присудили Сарыгулу заслуженную награду.

Завистники! Мерзавцы! Изуверы!
Втопчите в грязь меня,
чтоб видел мой народ
позор ваш – совести убогой окорот,
всегда готовые зарезать Кулагера,
чтобы Ахан-серэ не вырвался вперёд.

Взгляд ваших мёртвых глаз,
как ледяной клинок.

Признали непризнаем? И отлично!
Вы мне свернёте шейный позвонок,
своё продолжив мнимое величие.

Отравленной стрелой просвищит клевета.
Что ж, прикарманив славу,
выньте плети:
ведь истина стервятников проста –
восславить падаль и кормиться этим.

И что ж вы медлите?
Скорей, скорей столкните
в могилу, в яму, в пропасть со скалы!
Всего хлопот – одно кровопролитье!
Призы делите после и хвалы!

* * *

Шумно с горы побежал родничок
(маленький, как он взобрался на гору?..)
Так и меня неизбежно влечёт
в степь, на равнину в весеннюю пору.

Где-то холмы... Я бегу по садам...
Где-то за лесом, за рощей, за садом...
Море тюльпанов раскинулось там –
воля, простор, и покоя не надо.

Плавным огнем лунолобый скакун
ветра быстрее примчался навстречу.
«Что же ты медлишь? – кричу на бегу, –
Яростной скачкой усталость излечим».

Радуюсь каждому тёплому дню,
счастье моё оттого непробудней,
что забываю про долю мою
зрелой тоскою отравленных будней.

Осень пришла и застигла врасплох,
и отступило веселье младенца.
Где моей жизни тюльпановый срок?
Где-то в холмах... Я хочу наглядеться.

* * *

Вот край, где жили старые друзья.
Цикады пьют луну и, пьяные, бузят,
виднеется мой дом,
по плечи вросший в почву,
аул мой на всю ночь в полон луною взят.

Открытый всем ветрам,
теперь благообразно,
по мановению завидовать гораздых,
отстроился он, вышел напоказ
в квадратах и рядах построек
самых разных.

Ещё один удар – таблички на домах,
все улицы за совесть, не за страх
поименованы и в номерах новейших,
а мне милы свобода и размах.

Но у того холма, что в детстве был горою,
Бактан и Миаден – моих проказ герои,
а рядом третий кто? Да это я сама –
не вижу никого, так занята игрою.

И мать ещё жива. Глядит из-под руки.
И годы прожитые на плечах легки,
базарная во тьме пустует площадь,
да в памяти веселья огоньки.

И детство, как луна
с сиянием отражённым,
зовёт меня идти путем неискражённым...
И в полной тишине бессильно, как душа,
новорождённый плачет верблюжонок.

*Перевод с казахского
Татьяны Фроловской*

